
КП
50
К-20

АРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ТРУДА.

С. КАПЛУН.

ОХРАНА ТРУДА

а 2 года пролетарской революции.

1917—1919 г.

(Юбилейный очерк).

МОСКВА.
1920 г.

Охрана труда за 2 года Пролетарской Революции.

Охрана Труда представляет собою значительно более, чем какая-либо другая отрасль социального строительства, детище Великой Пролетарской Революции. Только Советская власть—власть крестьян и рабочих, опирающаяся преимущественно на городские индустриальные рабочие массы, могла поставить во всю ширь все вопросы охраны жизни и здоровья трудящихся. Не зная никакого соглашательства с буржуазией, ставя перед собою исключительно задачи достижения пролетариатом его конечной цели—переустройства всего общества на совершенно новых началах всеобщего труда и братского сотрудничества, Советское правительство могло, не крохоборствуя и не занимаясь жалкой игрой в красные бирюльки, сразу пойти по широкому пути действительно Социальной Охраны Труда, ставящей интересы самого труженика—суб'екта труда, на первое место при разрешении всех хозяйственно-экономических проблем. И только многие тяжелые об'ективные условия момента заставляли нас часто суживать размах своей работы, допуская замедление ее темпа, иногда даже некоторое ограничение ее задач и даже более—временный отказ от некоторых уже пройденных достижений. Но делалось это каждый раз с поднятым забралом, с чистой совестью, ибо всегда вызывалось это только серьезными интересами всего пролетариата и диктовалось холодным расчетом трезвого рассудка, ясным учетом реальных возможностей и общих требований момента революционными организациями передовых пролетарских масс.

Царское правительство самодержавной России знаменовало собою господство дворянско-помещичьей клики. Только в незначительной степени опиралось оно на крупную буржуазию, да и то наиболее отсталую, далеко отставшую от своих западно-европейских собратьев. Промышленность наша по своему характеру и методам организации и ведения дела также плелась далеко позади передового капиталистического производства Запада. И поэтому законодательная охрана труда даже в тех своих формах, в каких она стала повседневным явлением Европы с ее резко выраженной классовой борьбой и мощными оформленными рабочими организациями, постоянной экономической борьбой добивавшимися ряда серьезных практических достижений, для России московских Кит-Китычей представлялась недопустимой крамолой. И совершенно бесплодными оказывались постоянные заявления наших либералов, что пора и России сменить старую поддевку на западно-европейский фрак и уяснить себе, что миновало время, когда

фабрикант являлся неограниченным господином на фабрике, а рабочие послушной и безмолвной скотинкой; что охрана труда в известных пределах и в „разумных“ руках является наилучшим средством борьбы с рабочим движением и затуманивания начинающих крепко задумываться над своим отчаянным положением рабочих голов.

Когда русское самодержавие сменилось жалким ублюдком—коалиционным правительством, помесью крупной промышленной буржуазии с худосочным мелким мещанством, олицетворяемым с.-р.-ами и меньшевиками, охрана труда перестала быть жупелом, пугавшим пуще огня московских купчих. Но понятно, что сидящее между двух стульев меньшевистско-оппортунистическое министерство труда, всегда боящееся, как бы не слишком нарушить интересы буржуазии, не было способно к какому-либо серьезному творчеству и в этой области. И в результате за 8 месяцев с февраля по октябрь 1917 г. мы имеем только жалкие потуги в направлении охраны труда, из которых наиболее характерен проект „трудовой инспекции“ из назначаемых сверху специалистов с рабочими, допускаемыми лишь в качестве „ассистентов“. Во всех же остальных областях остались старые царские законы, да вдобавок и от них допускались еще постоянные отступления по первому заявлению крупных магнатов „отечественного“ капитала Рябушинских, Кишкиных и Бурышкиных.

В бурные октябрьские дни все старое быстро было сметено. И насколько серьезно было отношение новой Советской власти к вопросам охраны труда, показывает хотя бы тот факт, что первый закон в этой области появился уже 29 октября, т. е. через 4 дня после перехода власти в руки Советов. Носил он длинное название „Постановление Рабоче-Крестьянского Правительства о 8-ми часовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени“ и представлял собою, собственно говоря, целый законодательный кодекс по вопросам охраны труда. Прежде всего этим законом было окончательно закреплено старое требование рабочего класса—8-ми часовой рабочий день. Как известно, выдвинут был этот лозунг еще Марксом в его журнальных статьях конца сороковых годов прошлого столетия, а в 1860 г. на Женевском конгрессе I-го Интернационала 8-часовая норма была признана „законным пределом рабочего дня“. В 1889 г. I-й конгресс II-го Интернационала в Париже постановил считать достижение декретирования 8-ми часового рабочего дня очередной задачей борьбы рабочего класса и выдвигать это требование ежегодно в день 1-го мая. И однако, к концу империалистической войны, через 70 лет после зарождения этого вопроса, ни в одной стране не было еще соответствующего закона. Только в далекой Австралии, благодаря организованности рабочих и ряда других условий, фактически проведен был 8-ми часовой рабочий день почти для всех рабочих. И в России при Скобелеве-Гвоздеве кое-где достигнут был 8-часовой рабочий день, но только явочным порядком, без всякой гарантии, что его не отнимут при первой возможности поддерживаемые „революционным“ правительством капиталисты. И только после закона 29 октября 8 часов труда стали неот‘емлимым завоеванием рабочего класса, при чем оно распространено было на всех лиц наемного труда без всяких исключений. Далее, в том же декрете устанавливается обязательный

перерыв в работе, продолжительностью не менее одного часа, праздничный отдых не короче 42 часов, допущение сверхурочных работ только в исключительных случаях с ограничением их 50 днями в году и 4 часами в течение двух суток подряд. Тут же имеется и ряд общих положений об охране женского и детского труда (женщинам не разрешается подземная, ночная и сверхурочная работа, малолетние до 14 лет не принимаются на работу вовсе, подросткам до 16-ти лет запрещается ночная работа, а подземная и сверхурочная до 18; рабочее время недостигших 18 лет подростков установлено в 6 часов).

Несмотря на всю ширину размаха этого декрета, сразу разрешившего ряд основных чаяний рабочего класса, долгое время ему суждено было остаться исключительно прекрасной декларацией, в жизни далеко неосуществлённой. Об'ясняется это тем, что к моменту его издания не было еще достаточно окрепшей основной базы, без которой немыслимо никакое действительное осуществление каких бы то ни было норм рабочего законодательства. Не только не было еще никаких органов надзора нового пролетарского государства, но, что самое главное, не оформились еще и основные столпы экономически-хозяйственной организации рабочего класса—профессионально-производственные союзы. Все профессиональное строительство в это время шло кустарно-стихийным способом без общего плана и единых организационных методов. Союзы строились еще преимущественно по профессиям, изредка лишь инстинктивно воспринимая примитивно-производственные формы; территориальный размах их был также крайне слаб—большинство носило исключительно местный характер, далеко притом не охватывая всех занятых в данной отрасли труда даже в пределах своего района и не устанавливая связи ни между собою ни с крайне еще слабыми своими центрами. К тому же много энергии уходило в это время и на постоянную внутреннюю борьбу в союзах с достаточно еще сильными оппортунистическими группами недавних „хозяев положения“, меньшевиков и с.-р.-ов, всеми силами старавшихся внести раскол в рабочее движение, под флагом „единства“ стремясь разорвать теснейший союз между профессиональными организациями и Советами Рабочих Депутатов. В то же время достаточно еще сильно было экономическое влияние буржуазии, а кое-где, как естественное следствие векового рабства, в рабочих кругах резко выявились анархистки-разрушительные, мелко-собственнические и чисто шкурнические тенденции.

И в течение нескольких месяцев пока гигантскими шагами росло и с невиданной дотоле силой и темпом крепло идейно и организационно русское профессиональное движение, пока только строились в центре и на местах органы комиссариата труда, нормы по охране труда, изложенные в декрете 29 октября, проводились в жизнь весьма туго, неравномерно и бессистемно. Только к средине 1918 года прошел первый „Sturm und Drang“ — период. В своей речи на заседании Ц. И. К. 26/4—19 г. об очередных задачах Советской власти тов. Ленин сказал, что уже возможно приостановить первый натиск на капитал и начать закреплять уже занятые позиции. И в нашей области приблизительно с этого момента, когда большинство крупной промышленности уже было национализировано и в то же время почти закон-

чился процесс об'единения союзов и переустройства многих из них по производственному принципу, начался процесс фактического закрепления всего того, что прежде было лишь громкой декларацией. 18 мая 1918 года издан был составивший своего рода эру декрет об учреждении инспекции труда, воплотивший в жизнь старый лозунг революционной социал-демократии (тогда — фракции большевиков) о „выборной рабочей инспекции". По этому декрету впервые во всем мире надзор за проведением так называемого прежде „фабричного законодательства" (законодательство в области труда) передан был в руки непосредственных избранников рабочих организаций. С изданием этого декрета ликвидирована была старая фабричная инспекция.

10 июля был издан детальный наказ инспекции, и по всей России закипели выборы инспекторов. Правда, вначале выборы шли довольно туго. Большинство передовых рабочих к этому моменту успело уже быть захваченными многочисленными зубцами разнообразнейших колес советского и профессионального механизмов. С другой стороны жизнь каждый раз выдвигала пред союзами первостепенной важности весьма злободневные вопросы, требовавшие максимального напряжения сил и лучших работников — организация производства, мобилизации, продовольственные компании, проведение тарифов и тому подобные задачи невольно отодвигали охрану труда на задний план. Все же роль кристаллизации института инспекции труда была огромна. Прежде всего самый момент выборов инспектора играл на местах огромную роль. Так как обычно инспектора выбирались на широких рабочих конференциях (при участии всех профсоюзов и крупных местных комитетов), то избрание это почти всегда носило весьма торжественный характер и тем самым фиксировало внимание рабочих организаций на вопросах охраны труда.

Сама же деятельность инспекции также прежде всего была направлена к широкой популяризации идей охраны труда и законоположений в этой области среди рабочих масс, ибо каждому из профессиональных и советских работников ясно, что без этого немыслимо никакое действительное проведение охраны труда. Наказ рассылался инспекторами по фабрично-заводским комитетам; созывались специальные конференции; устраивались широкие собрания как на самих фабриках, где инспектор после осмотра предприятия знакомил рабочих с основными вопросами охраны труда, так и специальные совещания делегатов отдельных фабрик и заводов. Вместе с тем повседневная работа инспектора по обследованию предприятий своего участка сводилась не к надзору в старом смысле этого слова (обнаружение случаев невыполнения декретов и других законоположений и привлечение к суду виновных), а к непосредственному творческому проведению в жизнь всех наших послереволюционных постановлений в области охраны труда. Фактически инспектора труда взяли на себя роль своего рода инструкторов, ознакомлявших фабрично-заводские и другие аналогичные комитеты с существующим законодательством и помогавших им правильно проводить его в жизнь. При этом, конечно, инспектора во всей своей деятельности опирались на профессиональные союзы.

И под несомненным влиянием интенсивной деятельности инспекции в области охраны труда постепенно стало действительно осуществляться большинство наших законоположений. Из полосы декларативной мы перешли к реальному строительству. Медленно шаг за шагом преодолевались серьезные внешние и внутренние психологические препятствия, и постепенно вносились глубокие реальные изменения в повседневные условия жизни и быта трудящихся масс. Само собою разумеется, одни инспектора труда, большей частью передовые рабочие со скромным домашним образованием, не в силах были сами проводить в жизнь все требования охраны труда. Иногда мало оказывается одной революционной энергии и непосредственной близости рабочим массам и приходится прибегать еще к оружию специальных знаний. И с этою целью нами поставлены были на службу интересам рабочего класса и техника и медицина. Конечно, сейчас знание, как могучее организационное средство, находится почти исключительно еще в руках выходцев из враждебных нам классов, и нам приходится поэтому привлекать для нашей работы чуждых рабочему классу специалистов. И потому все агенты специального надзора — инспектора технические (учрежденные по постановлению Народного Комиссариата Труда 8 августа 1918 г.) и санитарные (по постановлению Наркомтруда 3 марта 1919 г.) по нашим положениям и инструкциям играют роль исключительно консультантов и выполнителей специальных заданий местных секций охраны труда и инспекции труда. Все специальные вопросы разрешает в своей области технический или санитарный инспектор, но ставит всю работу по охране труда и проводит всю нашу политику в этой области исключительно инспектор труда, как лицо непосредственно выбранное местными рабочими организациями и, в случае лишения их доверия, могущий в любой момент быть ими отозванным.

Техническая инспекция стала организовываться еще летом 1918 года, причем основные кадры ее составились из тех старых фабричных инспекторов, которые соглашались при власти пролетариата выполнять функции, связанные с охраной труда, что собственно было положено в основу и института фабричной инспекции при ее учреждении, но потом выродилось в задачи ближайшего сотрудничества с полицией явной и тайной. Дальнейшее расширение рядов технической инспекции тормозилось тем, что большинство инженеров устремились на всевозможные зланные места в различные органы совнархозов, где бешенный азарт в повышении окладов и весьма легкое отношение к вопросу о совместительстве со стороны руководящих органов создавали прекрасную почву для получения неслыханных кушей. Всего сейчас у нас имеется 102 технических инспектора.

Санитарную инспекцию организовать значительно труднее. В России всегда было крайне мало врачей вообще, общественных же, не занимающихся частной практикой, в особенности. Сейчас же почти все врачи мобилизованы, а ничтожное количество оставшихся совершенно не справляется даже со своими прямыми задачами, в первую очередь с борьбой с жестокими эпидемиями, вырывающими из нашей среды ежемесячно десятки тысяч жертв. К тому же для санитарной инспекции необходимы врачи, знакомые теоретически с профессио-

нальной гигиеной и практически с фабричной санитарией и рабочей жизнью вообще. Все это в полной мере об‘ясняет, почему мы сейчас стоим только на пороге создания действительно реального санитарного надзора за фабриками и заводами и за условиями труда вообще. Во многих губерниях, как необходимый компромисс на переходное время, установлена постоянная организационная связь с санитарными организациями или отдельными врачами отделов здравоохранения, и те частично несут на себе функции санитарной инспекции, работая в этой области в тесном контакте с инспекцией труда, и непосредственно подчиняясь отдельным местным секциям социальной охраны труда.

Наконец в последнее время в целях об‘единения всего надзора за техникой безопасности в Наркомтруде с из‘ятием его от отдельных заинтересованных ведомств к комиссариату труда перешла от Главода инспекция судоустройства (в марте 1919 г.), и уже в сентябре сего года издано положение о технической инспекции сухопутного транспорта.

Некоторое изменение в общую схему организации надзора по охране труда внесло издание в июне 1919 г. Положения о „Государственном техническом надзоре". Этот орган имеет своей задачей об‘единить в лице одних и тех же агентов надзор за техникой экономики и техникой безопасности паровых котлов и других аппаратов, работающих под давлением выше атмосферного. Этим достигается значительная экономия в технических силах, которыми мы столь бедны, ибо не приходится одному лицу лазить в котел или производить его гидравлическое испытание несколько раз по разным поводам, когда это легко можно об‘единить воедино. Кроме того, это имеет то значение, что, освобождая технических инспекторов от весьма сложной и ответственной задачи — испытания котлов, мы получаем возможность максимально использовать их силы в качестве непосредственных консультантов и постоянных сотрудников инспекции труда, так как до сих пор нередко они, ссылаясь на свою перегруженность работой, связанной с котлами, отказывались сопровождать инспекторов при посещении предприятий и вообще вступать с ними в постоянный действенный контакт. Однако с передачей этих непосредственно исполнительных функций по испытанию котлов государственному техническому надзору Наркомтруд не лишается главной руководящей роли и в деле постановки надзора за их безопасностью. Прежде всего все правила, нормы и сроки, касающиеся всех видов испытания котлов—наружного, внутреннего и гидравлического, издаются Н. К. Т. Далее устанавливается право высшего контроля Н. К. Т. за деятельностью агентов государственного технического надзора, присылающего в Н. К. Т. подробные отчеты своей работы. И, наконец, самое главное, весь вновь образующийся орган, как в центре, так и на местах, создается на паритетных началах из представителей Комиссариата Труда и Высшего Совета Народного Хозяйства, при чем первому предоставляется право „veto" по вопросам техники безопасности. Центральный орган технического надзора только недавно приступил к работе, а по мере постановки на твердую ногу его местных отделений, к нему будут повсеместно по губерниям переходить от технической инспекции обязанности надзора за паровыми котлами.

Не только постепенно совершенствовали мы постановку специального надзора, стараясь, поскольку это допускалось целым рядом об'ективных трудностей, совершенствовать его качественно и увеличивать количественно—постепенно в процессе своего развития претерпел значительные изменения и основной институт Инспекции Труда. Опыт первого полугодия его функционирования ясно показал, что старый наш боевой лозунг „распространение надзора по охране труда на все виды труда" остался фактически непроведенным в жизнь. Большое количество профессий и даже целый ряд отдельных производств остались совершенно не обслуживаемыми инспекцией труда. Большинство инспекторов, вышедших непосредственно из среды крупно-индустриального пролетариата, ограничили круг своей работы исключительно фабриками и заводами. Крупные предприятия невольно фиксировали на себе внимание инспектора, привлекали его к себе сознательностью и организованностью рабочих и, вследствие недостаточных кадров инспекции, поглощали все его время. А в то же время все мелкие ремесленные и полукустарного типа промышленные заведения, конторы, общественные, государственные и торговые учреждения, гостинницы, кафе, трактиры, столовые, бани, парикмахерские, больницы, аптеки, или те виды труда, где трудящиеся работают ничтожными группами, распыленными по многим мелким предприятиям, а также и те категории труда, где места скопления трудящихся не концентрируются в одних заведениях, а расположены линейно, как напр. железнодорожный и водный транспорт, постройка шоссейных или железнодорожных путей, и те работы, которые отличаются совершенно своеобразными особенностями организации своего труда, как например пожарные, строительные рабочие в городах, земледельческие рабочие и т. п. — все они оставались совершенно вне пределов кругозора Инспекции Труда.

И поэтому для того, чтобы охватить и их в своей работе, не оставляя значительную часть рабочего класса на положении нелюбимых пасынков, нам пришлось создать новые организационные формы *внеучастковой* инспекции. Эта инспекция строится каждым отдельным союзом, обслуживая только одно производство или отдельные отрасли народного хозяйства. Работая в самом тесном контакте со своим союзом, эти инспектора труда в то же время входят в общую систему инспекции, являясь непосредственными агентами Наркомтруда. Созданы были следующие виды внеучастковой инспекции: железнодорожная, водная, народной связи, строительных рабочих, торговых служащих. На очереди создание сельскохозяйственной инспекции, положение о которой уже выработано, но окончательно еще не рассмотрено и не утверждено. Там, где много мелких предприятий, весьма разнохарактерных по составу, создаются специальные инспектора мелкой промышленности, работающие вне крупных фабрично-заводских предприятий *).

Посмотрим теперь, как эволюционизировало наше законодательство в области охраны труда во всех его отдельных сторонах, и что реального удалось достичь нам в каждой из них. Как указывалось уже выше, декрет 29 октября 1918 г. носил еще чисто декларатив-

*) Количественные данные о составе инспекторов см. мою статью „Расширение Инспекции Труда" в № 10-м „Бюллетеня Н. К. Т."

ный характер. Воплощение в жизнь всех его лозунгов началось значительно позже и сопровождалось изданием целого ряда декретов и постановлений Наркомтруда более конкретного характера по отдельным поводам с подробными указаниями по организационным вопросам и с учетом всех практических возможностей. В изданном в декабре 1918 г. „Кодексе законов о труде“ была проделана попытка об'единить и суммировать весь накопившийся законодательный опыт.

Дальнейшая практика все углубляла завоевания революции в области охраны труда, охватывая ими все более широкие массы, но в то же время приводила с неумолимым постоянством к умерению размаха работы, а часто даже и к сокращению уже провозглашенных прежде лозунгов. Вызывалась эта жестокая необходимость общим тяжелым положением Советской России. Тяжелое продовольственное положение городов и вообще промышленных центров, низкая реальная величина заработной платы даже наиболее высоко оплачиваемых групп рабочих, значительно отстающая от фактического прожиточного минимума, экономический под'ем деревни, освободившейся от власти помещиков и значительно выигравшей на войне—все это вызвало ужасающее обезлюдение предприятий и резкое распыление пролетариата, особенно высококвалифицированных его слоев. Поэтому промышленность в значительной своей части должна была опереться почти исключительно на наиболее физически слабые группы—женщин и несовершеннолетних. Помимо того, это отсутствие свободных рабочих рук весьма сильно тормозило проведение всех мероприятий, хотя бы отчасти связанных с необходимостью увеличения числа рабочих или с необходимостью проводить в несколько большем масштабе новые работы, как например, постройки, ремонты и т. д. Беспредельные мобилизации еще более выкачивали наиболее здоровых и сильных из рабочей среды. В то же время жизнь непреклонно ставила перед рабочим классом России требование возможно скорее и в возможно большей степени поднять производительность труда, чтобы способствовать востановлению нормальной промышленной жизни. Интересы всей революции, вынужденной в значительной степени опираться на крестьянство, требовали этого. Прогрессирующее падение производительных сил страны и вытекающий отсюда голод—товарный и продовольственный, могли быть побеждены только крайним напряжением всех сил рабочих. Одновременно гражданская война, создавши целый ряд фронтов с миллионами штыков, с своей стороны требовала самой интенсивной работы тыла, чтобы те были сыты, одеты, обуты и своевременно снабжены необходимым военным снаряжением. Правильное функционирование транспорта стало также вопросом первостепенной важности.

Все это, вместе взятое, часто заставляло рабочие организации в целях скорейшего достижения конечной победы сознательно игнорировать некоторые требования охраны труда, развернутой в полном масштабе. И в таких случаях приходилось только стремиться к правильному выполнению своего рода стратегических и тактических задач—не отступать постыдно, отдаваясь на волю стихии и теряя при этом все свои резервы, а проводить все операции планомерно, организованно, отдавая каждую пяту занимаемых позиций лишь после сурового и зрелого обсуждения, твердо закрепляя за собою заранее

заготовленные в тылу окопы. И наша практика после издания „Кодекса законов о труде“ почти в каждом вопросе охраны труда и знаменовалась собою этими двумя моментами: во-первых, реальным воплощением лозунгов в жизнь, переводом их на язык повседневной практики, необходимым деталированием и конкретизированием их и, во-вторых, точным определением тех случаев, когда возможны отступления, допустимых их пределов и организационных форм этого самоусечения. Эта практика, отразившаяся отчасти уже на Кодексе Труда, в полной мере пропитала собою весьма подробно разработанное „Нормальное положение о тарифе“ (изданное 3 мая 1919 г.) и вызвала ряд соответствующих постановлений, раз'яснений, циркуляров и т. д.

В области продолжительности рабочего времени „Кодексом труда“, изданным в декабре 1918 года, установлена в подтверждение закона 29 октября 1917 г., как правило, 8-часовая норма труда днем и 7-часовая ночью. В то же время во вредных производствах рабочее время согласно „Кодексу“ может еще более сокращаться. Широкому применению укорочения длины рабочего дня препятствовала общая разруха, требующая максимального напряжения всех наших сил и заставляющая всячески избегать всех мероприятий, могущих хотя бы отчасти дезорганизовать производство. Но все же в отдельных отраслях промышленности было проведено сокращение рабочего времени: так в табачном и махорочном производствах установлен 7-часовой рабочий день, в газовом производстве, в аминном отделении резиновых заводов, а также на плавке и заливке мелинитом и тротилом снарядов и на нитрации в заводах взрывчатых веществ 6-часовой рабочий день и для радиотелеграфистов 4-х-часовой. Вместе с тем теперь же при участии лучших специалистов подотделом социальной охраны труда Н. К. Т. разрабатывается весьма тщательно вопрос о тех производствах и отдельных профессиях, где, при первой возможности в связи с общим улучшением хозяйственного положения страны, будет сокращен рабочий день.

Надо также упомянуть еще о том, что еще до Октябрьской революции установился 6-ти-часовой рабочий день для всех работников стола и конторки. Долгое время, однако, такое положение существовало, если можно так выразиться, только на основании „обычного права“, не будучи закреплено нигде в законе, и только в „тарифном положении“ ясно указывается, что для всех лиц „умственного и конторского труда“ устанавливается 6-ти-часовой рабочий день, за исключением тех конторских служащих в промышленных предприятиях, работа коих неразрывно связана с работающими 8 часов рабочими. Необходимо, однако, признать, что формулировка категорий, имеющих право на 6 часов труда, крайне неясна и вследствие своей эластичности может вызвать при желании целый ряд казуистических вопросов. В самом деле, можно ли назвать, например, трудом „умственным или конторским“ профессию зубного врача или массажистки; к кому отнести телефонисток или даже машинисток, труд которых весьма мало отличается от работающего по чертежам модельщика, высококвалифицированного токаря или сборщика-слесаря? Несомненно, что в этой области нам предстоит еще большая задача тщательной классификации всех промежуточных профессий, внимательного изучения

ского и нервного напряжения. Вообще же-
их работы и учета ее физиче... чезнет деление труда „на физический и
надо полагать, скоро вовсе и... анное лишь исторически-социальными
умственный“, как деление, выз... о не обоснованное, так как даже
причинами, и научно совершен... цели профессий разница не ка-
между крайними звеньями в единой... я, зависящая от преобладания
чественная, а только количественна... а не исключительно (напря-
одних элементов преимущественно, ... И правильное определение
жение мускульной или нервной ткани)... всех старых и традицион-
нормы рабочего времени, отрешившись о... ючительно на всесторон-
ных предрассудков, будет основываться искл... человеческий организм.
нем изучении влияния каждого вида труда на

Надо, однако, совершенно откровенно пр...знаться, что несмотря на категорическое провозглашение в нашем зак...онодательстве 8-ми-часового рабочего дня для рабочих, полностью п...ровести его всюду нам не удалось. Я не говорю здесь об отдельных случ...аях эксплоатации и злостного нарушения законов, имеющих место в тех предприятиях, которые избегли национализации, и в широкой области отсталых, мелких и полукустарных заведений. Благодаря инспекции труда и поддержке профессиональных союзов, таковые факты сейчас стали крайне редкими исключениями, и если не упоминать таких отраслей труда, как домашняя прислуга или работники лечебных учреждений— сестры, санитары, сиделки, да пожалуй еще пожарных, то можно сказать, что всюду признан уже 8-ми-часовой день *как норма*. Но беда в том, что фактически он аннулируется для многих отраслей народного хозяйства значительным количеством сверхурочных. В процессе все прогрессирующего роста нашей экономической разрухи мы видим, как для некоторых отраслей труда они из исключения становятся правилом. Необходимость возможно интенсивнее обслуживать военную промышленность и острый недостаток рабочих рук, дающий знать себя все сильнее и сильнее, заставляют нас, скрепя сердце, соглашаться на печальную необходимость разрешения сверхурочных. Я уже упоминал, что в декрете 29 октября 1917 г. о них говорится лишь как о редком исключении, вызываемом острой и вдобавок непредвиденной необходимостью. Применение их ограничивается весьма строгими рамками: каждый трудящийся не может работать сверхурочно более четырех часов в течение двух суток подряд, для всего же предприятия число дней, когда применяются сверхурочные работы, хотя бы для одного человека, не должно превышать 50 дней в год. Для разрешения работ требуется согласие Профессионального Союза и разрешение Инспектора Труда. Почти все эти положения без изменения перешли и в „Кодекс законов о труде“. Но в „Нормальном положении о тарифе“ отношение к сверхурочным уже значительно менее строгое. Тут допускается уже право производственного союза разрешать сверхурочные работы, помимо всех приведенных выше возможностей вообще во всех тех случаях, когда он найдет это необходимым и неизбежным.

Практически же сейчас жизнь заставляет нас нередко выходить за всякие рамки, когда это диктуется особо острой необходимостью сохранить нормальный ход производства, и союзы не только идут на это, но даже часто берут на себя инициативу в установлении сверхуроч-

ных. Не говоря уже о чисто военных (оружейных и патронных) заводах, где в некоторых отделениях сверхурочная 2-х-часовая работа стала правилом, в очень сильной степени она распространена в железнодорожном и водном транспорте, в почтово-телеграфном ведомстве, на писчебумажных фабриках и пр. Единственное, чего мы неуклонно требуем в подобных случаях—это получения каждый раз разрешения инспектора труда, конечно по соглашению с союзом, а в исключительных случаях, когда сверхурочные становятся постоянным явлением, разрешения центра. Оплачиваются они в полуторном размере (согласно тарифному положению) для всех, кроме лиц выше 20 разряда, коим оплачивается не более 25-ти сверхурочных часов в месяц, и то в ординарном размере.

В тех случаях, когда работа, как правило, не может продолжаться ежедневно только 8 часов (как например, у кочегаров на паровозах и т. д.), установлена обязательная компенсация свободным временем в следующие дни, так чтобы общий недельный итог не превышал нормы. Для всех трудящихся далее установлен нормальный еженедельный отдых, продолжительностью в 42 часа без перерыва. С этой целью для всех видов физического труда накануне дня отдыха работа кончается на 2 часа раньше. В непрерывных производствах и для лиц, несущих не могущее быть прерванным дежурство (сторожа и другие сходные профессии), эти 2 часа оплачиваются как сверхурочные. В октябре с. г. вышло постановление, что после суточных дежурств представляется свободный день, и сверхурочные часы оплачиваются в ординарном размере. Тем, кто не получает своего нормального отдыха в воскресный день, таковой предоставляется среди недели. Помимо обычного еженедельного отдыха Кодексом труда установлено еще 6 исторических праздников и 10 дней отдыха, определяемых местными советами профессиональных союзов, согласно привычкам и традициям местного населения, без их оплаты.

Далее, согласно Кодексу законов о труде, введены впервые во всем мире периодические очередные отпуска с целью восстановления потраченных во время работы сил и здоровья, для всех рабочих и служащих. Таковые отпуска устанавливаются продолжительностью в 1 месяц для всех проработавших без перерыва (хотя бы и в разных предприятиях) не менее года и в две недели для проработавших 6 месяцев. Притом время отпуска оплачивается по фактическому заработку. Только в виду тяжелых условий переживаемого момента пришлось временно сократить все отпуска до 2-х недель. Однако, и в этом году для всех лиц, работавших в особо вредных условиях, были введены дополнительные недельные и 2-х недельные отпуска. Подробные списки соответствующих производств, мастерских и даже отдельных профессий вырабатывались Подотделом Социальной Охраны Труда НКТ совместно с соответствующим производственным союзом. Дополнительные отпуска (в 2 недели) предоставлены были в этом году также и всем малолетним и подросткам, ехавшим в колонии или организованным путем на дачи. Периодические отпуска с сохранением содержания, гарантируемые законом, представляют собою одно из крупнейших завоеваний Октябрьской революции. До сих пор и в России на Западе отпусками пользовались только крупнейшие чиновники и

отдельные высшие служащие, подлизывавшиеся к фабриканту. И лишь для ничтожных группок наиболее высоко стоящих на общественной лестнице рабочих кое-где добивались союзы путем коллективных договоров отпусков, обычно не превышавших недели.

В области охраны женского труда все основные положения, изложенные в декрете 29 октября, в дальнейшем потерпели очень мало изменений, будучи только дополнены декретом 31/X 1918 г. о социальном обеспечении трудящихся. Женщинам запрещены ночные, сверхурочные и подземные работы. Однако весьма трудно оказалось полностью провести недопущение их к ночным работам. В цело мряде предприятий, где работа шла в 2 или даже в 3 смены, женщин по мере возможности назначали только в дневную. Но есть ряд профессий и работ, где это представляется совершенно невозможным. Как на яркий пример, укажу на телефонные станции, функционирующие непрерывно целые сутки, где работают почти исключительно одни только женщины. Тут выход только в подготовке значительных кадров мужчин телефонистов, а на это потребуются многие годы, да вдобавок не военного времени, когда не хватает телефонистов для службы связи на фронте. Ничего нельзя поделать также, когда, как это часто сейчас бывает, целые промышленные районы, в целях экономии топлива, неожиданно переводятся на ночную работу. В виду всего этого в октябре с./г. было издано постановление Наркомтруда, согласно которому временно может разрешаться ночной труд женщин, однако, при соблюдении целого ряда условий, гарантирующих, что это отступление от требований охраны труда будет применяться действительно только в случаях крайней необходимости. Разрешение ночной работы женщин производится для отдельных профессий постановлением Народного Комиссариата Труда по представлению соответствующего союза. Но и в этих пределах разрешение применения женского труда ночью дается для каждого отдельного предприятия в зависимости от конкретных условий местным инспектором труда.

Инспекция труда старается также по мере возможности охранять труд женщин, переводя их со всех более тяжелых, опасных и вредных работ на другие более соответствующие женскому организму. Далее принимается целый ряд мер к охране материнства женщины-работницы, ибо борьба за здоровье потомства рабочего класса и устранение всех моментов, вредно влияющих на производительную способность женщины, составляет одну из основных задач охраны труда. Все беременные физического труда освобождаются, согласно „Положению о социальном обеспечении“ от работ на 8 недель до родов, а прочие женщины на 6 недель (согласно „Кодексу“ также на 8, но проводятся в жизнь нормы „Положения 31 октября“). На такой же срок освобождаются трудящиеся женщины и после родов, при чем за все время отпуска им выплачивается полное содержание. Помимо того, во все время кормления молодая мать получает возможность через каждые три часа уходить с работы на $^1/_3$ часа для кормления ребенка. Наконец сейчас же после родов женщина получает единовременное денежное пособие в размере пятнадцатикратной минимальной дневной тарифной ставки данной местности, а также, начиная со дня прекращения пособия, как роженице, ей выдается до конца 9 месяцев с момента

родов дополнительное пособие на кормление в размере $^1/_4$ прожиточного минимума. Наконец инспекция труда принимает все меры к тому, чтобы по возможности на каждом крупном предприятии были организованы ясли для грудных детей, где бы матери могли оставлять своих младенцев на время работы.

Вопрос об охране несовершеннолетних всегда стоял в центре всей нашей работы по охране труда. В связи с повседневной практикой, встречающимися в жизни затруднениями и накопляющимся опытом соответственно менялось и наше законодательство в этой области. Как я указывал уже выше, в законе 29 октября 1917 г. было установлено, что запрещается прием новых малолетних до 14 лет, с 1-го января 1918 г. с 15 лет, с 1 января 1919 г. с 16 и, начиная с 1 января 1920 г., даже с 20 лет, рабочее же время всех так называемых „подростков" до 16 лет установлено было продолжительностью в 6 часов. От мысли снять всех рабочих до 20 лет Наркомтруд естественно очень быстро отказался, так как подобная политика, не оправдываясь никакими научными требованиями физиологии, в то же время в корне противоречит марксистской теории и пролетарской практике. Вообще до сих пор неясно, чем руководствовались руководители комиссариата, внося в свое время подобный пункт в основной закон о продолжительности и распределении рабочего времени Советского Правительства.

Постановление о минимальном возрасте, требуемом для допущения на работу, вначале, до организации инспекции труда, в жизнь вовсе не проводилось. Только этот новый институт рабочих инспекторов действительно взялся за охрану труда малолетних. Все фабрично-заводские комитеты, от которых в первый период революции исключительно зависели прием и увольнение рабочих, перестали вовсе принимать на работу недостигших 14 лет. В то же время инспекция взялась за весьма сложную задачу снятия с работы малолетних ниже разрешенного возраста. Работа эта пошла довольно быстрым темпом, причем в первое время проходила довольно безболезненно, так как материальный вопрос далеко не достиг еще такого обострения, как сейчас. В это время издан был „Кодекс законов о труде", установивший, что трудовой повинности подлежат только лица, достигшие 16-летнего возраста. Это сразу перевело в разряд „малолетних" огромную группу работающих на фабриках, заводах, в мастерских и в канцеляриях ребятишек от 14 до 16 лет. Совершить их снятие с работы по мановению волшебного жезла, в один присест, было, конечно, совершенно невозможно. Целый ряд препятствий стал на пути. Производство не могло легко примириться с быстрым из'ятием большого количества подростков, часто занимающих довольно ответственные места и тесно связанных со взрослыми в ходе производственного процесса. С другой стороны материальные вопросы стали занимать первостепенное место при обсуждении возможности снятия малолетних. Продовольственное положение к этому времени настолько обострилось, что даже голодный прожиточный минимум стал совершенно недостижимым идеалом для подавляющего большинства рабочих. Каждый лишний рот является сейчас в семье непосильной тяжестью, а заработок малолетнего к тому же иногда имеет огромнейшее влияние на бюджет семьи с большим количеством детей или нетрудоспособных взрослых (стариков, больных,

калек, ухаживающих за детьми женщин и т. п.). В то же время возможность предоставить детям обучение в общих или специальных профессиональных школах также была минимальной, ибо сразу справиться с огромными требованиями, выдвинутыми раскрепостившей знание революцией, Наркомпросу было, конечно, не под силу. И при таких условиях снять детей с места приложения их труда, не давая им при этом ни образования, ни материального обеспечения, значило совершать преступление перед рабочим классом—собственными руками насаждая спекулянтов, бездельников, а иногда и преступников, ибо вне пути легкой наживы для этих малолетних пролетариев оставались только безысходная жестокая нужда, голод и холод.

В то же время в кодексе труда, вследствие его весьма туманных формулировок, не заключалось и прямого указания на то, с какого возраста можно принимать на работу. Поэтому происходило весьма странное явление: малолетние с фабрик никогда, казалось, не могли исчезнуть, так как одной рукой мы их с фабрик снимали, а другой снова заполняли ими предприятия. Внести ясную линию в нашу политику по вопросу о малолетних имели своей задачей тарифное положение и закрепившее в законодательном порядке основные его мысли постановление Наркомтруда от 3 июля 1919 г.. В первом из них говорится о том, что для малолетних от 14 до 16 лет, оказавшихся ко дню издания этого положения в промышленных предприятиях и хозяйствах, вводится 4-х-часовой рабочий день, и в дальнейшем прекращается прием новых детей до 14 лет. Постановление 3 июля развило и дало более реальные очертания этим основным дополнениям к кодексу. Оно устанавливает прежде всего, что малолетние до 16 лет не могут регистрироваться Подотделами Распределения и Учета Рабочей Силы. Только в исключительных случаях могут разрешаться отступления, когда инспектором труда будет удостоверена острая материальная нужда ребенка и его семьи и полная невозможность устроить его в учреждениях Комиссариата Просвещения или Социального Обеспечения (в дальнейшем в циркулярном порядке установлено было еще требование удостоверения каждый раз врачем того, что предлагаемая работа не представляется особо вредной для данного детского организма), при чем по миновании этих условий ребенок может быть снят с работы. Далее ясно указывается, что при переходе на 4-х часовой рабочий день оплата малолетнего производится как за полный рабочий день подростка. Все малолетние до 14 лет подлежат снятию с работы с одновременным их материальным обеспечением и размещением по школам. Вся работа по снятию малолетних должна проводиться под общим руководством инспектора труда, и никто не имеет права самовольно их рассчитывать только из нежелания вводить для них 4-х часовой рабочий день.

Далее, в развитие постановления 3 июля был издан 10 августа циркуляр 3 Народных Комиссаров—Труда, Просвещения и Социального Обеспечения, согласно которому во всех губерниях и уездах создаются постоянные междуведомственные Комиссии по снятию малолетних, куда кроме этих трех органов входят еще представители местного об'единения профессиональных союзов и организации Российского Коммунистического Союза Молодежи. Созыв и организация этих комис-

сий возлагается на инспекторов труда. Циркуляр этот, носящий характер подробной инструкции, весьма детально предусматривает порядок снятия, формы и размер материального обеспечения как самого малолетнего, так и его семьи, и порядок организации для них школьного обучения. Главный же мотив циркуляра: сначала подробно учесть, подготовить возможность предоставления образования и социального обеспечения и потом только снимать малолетних с работ.

Порядок снятия намечается в следующем виде: раньше всего снимаются малолетние с особо вредных производств, далее с мелкой кустарной промышленности, где эксплоатация труда достигает обычно максимальных пределов, а затем и со всех остальных предприятий. Вообще же надо отметить, что количество оставленных на работе детей до 14 лет вообще сейчас уже ничтожно; об'ясняется это как тем, что многие уже сняты, так и тем, что в течение 2 лет новые дети на работу почти не принимались. Гораздо большее количество малолетних 14—16 лет, и их так скоро в полной мере снять не удастся. Но почти для всей этой возрастной группы уже повсеместно введен 4-часовой рабочий день.

Для всех подростков 16—18 лет был сохранен установленный для них еще, согласно закону 29 октября, 6-часовой рабочий день. С большими трудностями, благодаря медленной, вдумчивой, творчески приспособляющейся к реальной действительности работе инспекции труда и профессиональных союзов, и этот лозунг почти всюду стал уже свершившимся фактом. Для того, чтобы процесс перевода подростков на 6-ти-часовой рабочий день прошел по возможности безболезненно, главным образом для нормального хода производства, нередко приходилось, привлекая к этой работе также союзы молодежи, переводить подростков в другие мастерские, иногда даже в другие предприятия. Параллельно этому процессу инспекция труда все время брала на себя подталкивание местных отделов народного образования в деле создания вечерних школ, общего и профессионального характера, всевозможных курсов, клубов для подростков и т. д., чтобы заполнить полезным времяпрепровождением освобождающиеся у них 2 часа. При сокращении рабочего дня для подростков приходилось нередко наталкиваться на полное непонимание рабочими массами и даже фабрично-заводскими комитетами смысла более короткого рабочего дня для несовершеннолетних и вообще нашей политики в области охраны детского труда. И благодаря интенсивной деятельности в этом направлении инспекции, вместе с лучшими представителями организованной рабочей молодежи, устраивались постоянные доклады, лекции и беседы на эти темы, благодаря чему и тут нами достигнута полная победа, и сейчас уже не приходится встречаться с тем скрытым противодействием со стороны фабрично-заводских комитетов, которое раньше вызывало горестное недоумение и даже приводило в отчаяние многих работников по охране труда. Только в средине октября было проведено в жизнь специальным постановлением Н. К. Труда наше старое требование, чтобы при сокращении рабочего времени подросткам им оплачивался труд по полной тарифной ставке, как за 8 часов работы взрослых.

В последние месяцы только удалось окончательно разрешить весьма важный с точки зрения охраны труда и здоровья рабочих и особенно острый в условиях настоящего момента вопрос о снабжении их одеждой. В целях общей гигиены и специальной защиты семьи рабочего от ядов в виде паров и пыли, заполняющей атмосферу мастерской, издавна уже выставлялось требование о том, чтобы работа всегда производилась не в обычной одежде, которая носится дома. И летом этого года по соглашению с так называемой „Комиссией использования" Высшего Совета Народного Хозяйства Наркомтрудом было выработано положение об общей производственной одежде, выдаваемой всем рабочим физического труда. Необходимые материалы отпускаются Наркомпродом в распоряжение специально организованного при В. Ц. С. П. С. с участием представителя Наркомтруда отдела „Прозодежда", который уже распределяет ордера между всеми производственными союзами. Одежда эта составляет собственность предприятия, хранится при нем и рабочему на руки не выдается. „Прозодеждой" организовано массовое ее изготовление, при чем Подотделом Охраны Труда Н. К. Т. выработаны специальные типы этой одежды, соединяющие в себе максимум удобства при работе с интересами безопасности, с какой целью покрой их устраняет всякие развевающиеся части, свободные концы, пояса и т. д. В тех производствах, где имеются особые вредности (сырость, пары, постоянное пребывание на холоду, опасность заражения и т. д.), выдается еще специальная защитная одежда особого типа и покроя, из специальных материалов (сюда же входит верхнее платье, рукавицы, обувь и т. д.). Нормы выдачи защитной одежды вырабатываются профсоюзом, утверждаются Подотделом Охраны Труда и реализуются также Прозодеждой. Во всех случаях, когда одежда рабочего приходит в негодность вследствие имевшего место несчастного случая, она возмещается за счет предприятия, при чем, согласно состоявшемуся соглашению между Народным Комиссариатом Труда и Комиссией использования, она беспрепятственно выдается местными органами Комиссариата Продовольствия по соответствующему удостоверению инспектора труда.

Всего труднее было достигнуть осязательных результатов в области фабричной санитарии и техники безопасности. Старый капиталистический строй со своими чисто хищническими методами организации и ведения народного хозяйства, стремящимися лишь к максимальному выжиманию из рабочего прибавочного труда, помышляющий лишь о скорейшей реализации прибыли, совершенно не учитывал при этом интересов самого производителя, смотря на него как на естественный источник своего обогащения, как на своего рода пушечное мясо. И тяжелое наследство осталось нам от русских капиталистов, вдобавок далеко еще отставших от Запада в смысле улавливания и применения в жизни новейших тенденций в производстве, основывающихся на прогрессе техники и всегда идущих по одному направлению с требованиями охраны труда. Наши фабрики и заводы, не знавшие почти никакого надзора (всерьез за таковой считать старую фабричную инспекцию никак не приходится), совсем уже приняли ужасающий вид за годы войны, когда бешеная скачка в погоне за „сверхприбылями" совершенно устранила из поля зрения получавших „казенные заказы"

фабрикантов всякие вопросы о здоровье и безопасности работы стоящих у станков „военнообязанных“. К тому же рост промышленности, вызванный целым рядом связанных с процессом разрушения новых потребностей и переходом на другое производство многих предприятий, производивших предметы, ставшие теперь мало или вовсе ненужными, вызвали создание новых промышленных заведений или их расширение, при чем вновь выстраиваемые здания носили временно бивуачный характер, а нередко использовались для этой цели и вовсе неприспособленные старые помещения. Вдобавок на время войны было отменено большинство прежних требований технического характера. Понятно, к чему привело все это, вместе взятое.

С чистой точки зрения охраны труда надо было вовсе прикрыть добрую половину всех наших предприятий, а в остальных провести капитальнейший ремонт. Но, само собою разумеется, о закрытии предприятий сейчас не могло быть и речи, а попытки улучшить радикально устройство промышленных заведений наталкивались на ужасающие трудности. Никакие серьезные перестройки обычно не выходили из сферы предварительной сметы и общих планов из за отсутствия строительных рабочих, мелкий ремонт тормозился отсутствием материалов или необходимейших приспособлений, как например самых простых вентиляторов. И поэтому за время революции серьезных изменений в состоянии нашей промышленности с точки зрения охраны труда нам, конечно, провести не удалось. Препятствовал в значительной степени достаточной интенсивности работы в этом направлении и острый недостаток специалистов: все техники естественно ушли главным образом в производство, где перед ними стала необ‘ятная задача способствовать его восстановлению на новых основаниях, а врачей все более и более захватывал своей всепожирающей пастью ненасытимый фронт, потребности которого все увеличивались с ростом белогвардейской наглости.

Но все же надо признать, что и в этой области нами кое-что сделано. Всюду, где побывало недремлющее око инспектора труда, предприятие обычно значительно меняет свой вид; в нем устанавливается необходимая чистота, освобождаются давние завали груд сырых полуфабрикатов и готовых продуктов, устраняются все недостатки полов, потолков и т. д. и вообще наскоро заштопываются все прежние прорехи, если, конечно, они были не слишком велики. Особенно это заметно в мелких предприятиях, из которых даже многие были переведены в другие, более соответствующие требованиям охраны труда, помещения. В значительной мере инспекция труда способствовала тенденциям об‘единения и синдицирования мелкой кустарной промышленности с заменой прежних одиночных клетушек широкими светлыми общими мастерскими. Далее, под влиянием инспекции труда усилила свою деятельность и техническая инспекция, и в смысле ограждения опасных движущихся частей на местах сделано несомненно очень много. В центре же (в Подотделе Охраны Труда Н. К. Т.) разработаны общие санитарные обязательные постановления, обязательные постановления о трансмиссиях, о паровых котлах, об аппаратах, работающих под давлением выше атмосферного, о содержании литейных мастерских, бумагопрядилен. Ведется эта работа и по ряду

других производств; помимо того подотделом разрабатываются научные методы изучения профессиональных вредностей и приступлено к крайне важному вопросу—изучению рациональной организации труда (подобно составившим эру научной организации производства системам Тейлора и других американских инженеров).

С областью охраны труда теснейшим образом соприкасается и жилищный вопрос, захватывающий одновременно и компетенцию и органов Наркомздрава, органов Совнархоза (Комгосора и отдельных Главков и Центров) и местных Жилищно-Земельных Отделов. Основной вопрос, обеспечение рабочих здоровым жилищем — возведение новых построек и переселение рабочих, не входит в задачу Наркомтруда, хотя правильная постановка и разрешение этих проблем его весьма интересуют, почему на местах в этой работе обычно принимают весьма близкое участие инспектора труда. Основными задачами Подотдела Охраны Труда в этой области является установление тех основных санитарно-технических и санитарно-гигиенических требований и норм, коим должно удовлетворять рабочее жилище, и строгий контроль за их проведением. С этой целью им разработаны обязательные постановления об устройстве и содержании уже существующих постоянных жилищ и временных, служащих для жилья, бараков. Сейчас разрабатываются и основные нормы для вновь строющихся казарм и примерные типы рабочих поселков. В то же время на заключение Подотдела, согласно постановлению Нар. Ком. Труда от июня 1919 г., представляются все проекты жилых помещений для рабочих, расчитанных более, чем на 50 человек.

В заключение необходимо отметить, что в последнее время работа в области охраны труда стала на значительно более твердую почву, чем прежде. Впервые к ней вплотную подошли профессиональные союзы. До сих пор фактически эта сторона нашего строительства оставалась вне их кругозора. Вследствие особенностей нашего политического момента союзам приходилось принимать самое близкое участие в продовольственной политике, в мобилизациях и других ответственнейших сторонах Советской работы. И долгое время на охрану труда у них не находилось ни сил, ни времени, ни работников. На всероссийских с'ездах 1919 г. Отделов Труда и Профессиональных Союзов постановлено было организовать при последних постоянные комиссии по охране труда. Долгое время, однако, эта резолюция не проводилась в жизнь, и союзы в этой области проявляли слишком мало инициативы. Правда это относилось, главным образом, к их центральным комитетам, между тем как на периферии, благодаря, главным образом, деятельности инспекторов труда, образовывались соответственные органы. Необходимо указать, что всюду где они возникали, как в центрах, так и на местах, им присваивался термин „отделов“, подобно всем другим частям союзного аппарата, а не „комиссий“, каковое слово предполагает временный или случайный характер, непостоянный состав и второстепенные задачи. Долгое время это строительство шло без ясно выработанного плана, и деятельность Отделов Охраны Труда разных Союзов поражала своей разношерстностью. И только с сентября этого года по инициативе секции надзора подотдела Охраны Труда Наркома-

труда стали организовываться периодические их совещания для об'единения и координации в работе.

Эти совещания носили характер своего рода пленума по охране труда, подобному тому, как таковые создаются при всех отделах В. Ц. С. П. С. Благодаря этому деятельность подотдела охраны труда значительно больше, чем прежде, связывается с профессиональными союзами и, получая такую сильную опору в рабочих организациях, не фиктивно, не на словах, а на деле, становится несравненно более плодотворной, чем прежде. Вообще же благодаря созданию отделов охраны труда при центральных и местных комитетах союзов и комиссий по охране труда при фабрично-заводских комитетах практическое проведение охраны труда подвинется вперед гораздо более быстрым темпом. Само законодательство станет гораздо более реальным и соответствующим требованиям жизни, так как в творчество наших законодательных органов вольется весь опыт и все практическое знание союзами всех специфических особенностей и промышленных вредностей своего производства. С другой стороны все наши законы и отдельные предписания инспекции труда станут действительно выполняться, так как за этим будет установлен бдительный массовый контроль всего профессионально-организованного пролетариата. В то же время союзы, взявшись за дело охраны труда и создав для этого специальные отделы, сумеют значительно повысить в этой области сознание самих широких кругов, даже наиболее серых индивидуумов из рабочей массы. Вообще же роль этих отделов охраны труда будет огромна, если только будут установлены правильные взаимоотношения между ними и инспекцией труда, если они не ударятся в синдикалистические тенденции, стремясь сами устанавливать условия труда каждый в своем производстве, не считаясь с общими положениями. Поэтому сами отделы охраны труда, по нашему положению, распорядительными функциями не обладают, и их постановления становятся обязательными для предприятий лишь после утверждения их соответствующим инспектором труда.

Можно смело сказать, что когда положение об отделах охраны труда профессиональных союзов реально воплотится в жизнь, наша работа быстро воспрянет, как мифический Антей от соприкосновения с матерью землей. И тогда начнется совершенно новая эра в охране труда, эра углубления и упрочения всех наших прежних достижений и дальнейших смелых шагов, в этом же направлении, делаемых верной твердой поступью, ибо тогда мы будем уже прочно опираться на основной источник всей нашей силы—великое творчество самой пролетарской массы.

С. Каплун.

Ноябрь 1919 г.

Цена 5 руб.

3-я Государственная типография. Тверская, Мамоновский, 12.

